

ИРИНА КАЛИТИНА

ЧУЖАЯ РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

0+

Ирина Калитина
Чужая родная земля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51864348

SelfPub; 2023

Аннотация

Неоднозначные впечатления старого человека о том, как после войны, будучи совсем маленьким, был отправлен с матерью в ссылку.

Ирина Калитина

Чужая родная земля

Старик, скажем прямо, харАктерный, не похож на остальных рыбаков.

Спиннинг забрасывает дальше всех и рыбы ловит больше других. На вопрос, где этому научился, отвечает:

– Места нужно знать.

И всё. Предполагается, что дальше спрашивать не стоит.

Чёрной, как антрацит, шевелюрой, отливающей серебром, бровями, густыми, сросшимися, и бешенством в глазах смахивает на темпераментного южанина, а не на уравновешенного питерского интеллигента, проведшего жизнь за компьютерным столом и в концертных залах.

Для цыгана, он аккуратно побрит и подстрижен, а итальянцам зачем ловить рыбу в городе на Неве? Да и имя звучит не на западноевропейский манер: не Pietro, а Пётр.

Крутится катушка, взлетает леска, блестит наживка.

Что видит старик в зеленоватых водорослях за тяжёлыми волнами северной реки? Как оказался в городе, далёком от мест его появления на свет?

Память – всё, что осталось у него от детства. Ничего материального: ни семейного альбома, ни реликвий, ни игрушек, ни друзей. Мысли и память.

На самой ранней, нечёткой картинке, всплывающей из прошлого, ему два с половиной года, баржа, тёплые нежные мамины руки, за бортом – водная гладь, берега едва различимы. Незнакомые люди сидят на матах, отхожее место в углу прикрито мятым газетным листом.

Следующее изображение: барак, поделённый на отсеки, похожие на купе, нары в два этажа. Стены выполнены из горбыля, прибитого неаккуратно, с промежутками, поэтому из одного отсека видно, что происходит в других. Люди в клетках. Снова, газетный лист вместо двери.

Мама тихо рассказывает про дом на возвышении, где Пётр родился, про раскидистое дерево грецкого ореха, ягоды в виноградных лозе, вобравшие в себе солнечный свет, крупные помидоры с сахаром в трещинках, про святой источник с живительной струёй и икону над ним. Пастораль крестьянского подворья в краю холмов. Теперь всё это далеко. Они – в ссылке. Сибирь.

– Что вы в раннем возрасте успели уже совершить? – через много лет спросил за обеденным столом симпатичный молодой человек, родственник жены.

Учебники по истории рассказывают, что в июне сорок девятого депортировали из Молдавии «кулаков с семьями» и тех, кто оставался в немецко-румынской оккупации. Пётр, родился после войны, эксплуатировать кого-то ещё не научился, отца дома не оказалось, и побрёл двухгодовалый узник в далёкие края, держась за матушкин подол.

Большой живот мамы ребёнок не замечал, но в селении, где после утомительного переезда определили им место жительства, кто-то проникся сочувствием к статной красавице на сносях, взял письмо и опустил его так, чтобы достигло родины.

Петру шёл четвёртый год, когда отыскал их большой сильный человек. Вывел мальчика из деревянной клетки, поднял над головой, усадил на плечи, Пётр стал выше всех в посёлке и увидел, что стоят они на высоком берегу широкой реки, неподалёку бараки, брёвна, лес, деревья до неба.

С этого момента отдельные кадры в череде воспоминаний превращаются в кино.

Сначала сын слушал, увлекательную сказку, как освободитель ехал на поезде, плыл на пароходе, заблудился в лесу, полз по болоту.

Потом привезли сруб, отец принялся ставить дом. Сыну сделал топорик. Гвозди да стружки – его первые игрушки. Строили вместе.

Появилась корова Люся, громадное животное красного цвета со страшными рогами, поросёнок.

Мальчик увидел, что соседи выбросили за забор верхние листья капусты.

«Такими листьями мать кормит поросёнка», – сообразил он, не спросив взрослых, взял санки из сарая и, раскачиваясь из стороны в сторону, припадая на одну ногу, как папа, повёз их по траве собрать еду. Несколько шагов и наступил

на гвоздь. Санки оказались ломанными. Снова, сделался маленьким, плакал, пока мама перевязывала рану.

Наступила зима, сени сделать не успели. Подобно бандиту, захватчику врывается мороз в открытую дверь, вихрем облетает комнату, превращаясь в пар около громадной печи. Ночью по нужде выскакивал мальчишка в рубашке, босиком. Переминаясь с ноги на ногу, смотрел, как, не долетев до земли, замерзала струя. Потом, обтерев ноги о циновку, забирался на лежанку, хранящую тепло и запах выпеченного вечером хлеба, там он спал с маленькой сестрёнкой.

В следующем году к дому пристроили веранду. Тёмные брёвна сруба изнутри обили дранкой и побелили известью.

Мама спросила, похожа ли их комната на молдавскую.

Сын ответил: «Да», чтобы её не огорчать, на самом деле, он не помнил, как выглядело жильё на родине.

В подвале их дома: молоко, сметана, масло, мясо тушёное, залитое жиром, картошка, солёные огурцы. В валенках под скамейкой дозревают зелёные помидоры, на веранде – мешок с кедровыми орехами.

В местной лавке, только, соль, сахар, мука, макароны, хлеб, а куриное яйцо – один раз в неделю.

Медовый аромат липы в лесу, где Пётр бегал с мальчишками, напомнил, как цветки её заваривали зимой вместо чая. Нашёл в сарае отцовский топор, заткнул его за пояс, пока мама не видит, и отцовским шагом отправился рубить ветви, чтобы принести их домой и снять цветки. Забрался на

дерево, ударил по суку, дерево вздрогнуло, он упал, на него свалился топор. Снова крик, слёзы, перемешанные с кровью, испуганная мама, лазарет.

«Соображай, что ты делаешь», – сказал отец по-молдавски, встречая их с ремнём в руке.

В другой раз мальчик решил наловить рыбы, видел, где закидывали удочки старшие мальчишки. Пошёл один, хотел поймать всю, чтобы другим не досталось. Сделал несколько шагов по мелководью, образовавшемуся в результате разлива реки, и провалился, дальше – обрыв, научился плавать, не утонул.

«Нужно думать, что ты делаешь», – повторил слова отца по-русски, распутывая леску и собирая крючки.

От своих друзей он знал несколько татарских слов, белорусских, и, даже, литовских, но понимали друг друга ребята, когда говорили на языке народа, которого в школе называли освободителем, а дома – поработителем. «Соображал» Пётр на этом же языке. Молдавский слышал, только, поздно вечером, когда родители возвращались с работы.

Они так и не узнали про «подвиг» на реке.

Вот, пожалуй, и все шалости, которые едва не стоили ему жизни. Разве что, спрыгнул с крыши дома в сугроб и не смог вылезти, одна голова торчит из снега. Его вызволил сосед, проходивший мимо, а застрявшие валенки доставал сам, разрывая занос.

К шести годам Пётр был сыт, в меру осторожен, и, абсо-

лютно, свободен: никто не следил за его похождениями, не учил хорошим манерам, не беспокоился о здоровье. Родители целый день работали, а вечером занимались хозяйством, бабушки и дедушки остались на далёкой родине. Мальчик лазил по деревьям, перелетая с сука на сук не хуже белки, сшибал палкой шишки с орехами, нырял на спор с ребятами в реку, кто дольше продержится под водой, кидал в неё камни, кто дальше бросит, ставил силки зимой, отыскивая на лыжах в тайге заячьи тропы.

Мать встречала его на пороге к исходу дня с встревоженными глазами, не уверенная каждый раз, что сын вернётся домой. При первой возможности отец брал его с собой. На лесоповале мальчик наблюдал, как упала вагонетка с узких временных рельсов, проложенных по болоту, удивился, какими сильными были мужчины, которые поднимали её. Замерев, следил, как «рассерженный» Иртыш, выплеснул гнев из берегов и забрал брёвна, подготовленные к погрузке на баржу.

Потом объявили, что папа – лучший печник в селении, и мальчик осваивал подле него технологию кладки.

Наконец, отец взял руку сына:

– Хватит болтаться в тайге, волки съедят, – и пошли мужики «сдаваться» в школу на год раньше положенного срока.

Первый класс – балансировка между желанием убежать и ремнём, «воспитателем», висевшим в сенях.

Со стен на него смотрели лики, взрослые им поклонялись

и учили тому же детей. Дома – Иисус Христос с лампадой, украшенный, вышитым мамой, полотенцем, в школе – вожди в рамках.

На уроках зубрили строфы про Ленина и Сталина, дома отец велел учить псалмы, платил по десять копеек за каждый набор непонятных слов и предложений. И стихи, и псалмы Пётр запоминал мгновенно, повторял вслух, и на следующий день они выветривались из головы. Учительница этого не заметила, а отец вздохнул:

– Видно, не получится из тебя попа.

Церкви в селении не было, «попа» сын встречал у Пушкина: «Жил-был поп, Толоконный лоб».

Ещё читал: «Снесла курочка яичко...», но курочки не видел, в посёлке не держали птицу, слишком холодными были зимы.

Про яблони и наливные яблочки, тоже, узнал из сказок, ссыльные не сажали деревьев, надеялись освободиться раньше, нежели сады начнут плодоносить.

К выученному псалму, родители, непонятно по какой причине, приравнивали ведро воды, которое нужно было принести из Иртыша, километр вниз с пустым ведром и вверх – с полным. Рассчитывались честно: десять копеек. Мальчик ни разу не попросил денег на леску для рыбалки, покупал сам.

После появления маленького братика, состоялось путешествие, отпечатавшееся в памяти, как сильный ожёг на теле.

Глава семьи организовал поездку на пароходе в Тобольск,

крестить младших детей.

Там папа угостил ребят стаканчиком мороженого, первым в жизни, и стаканчик этот затмил полностью церковное таинство. У Петра, как у отца, в потайном кармане деньги, честно заработанные за псалмы и доставку воды, а в голове единственная мысль: «Попробовать ещё раз лакомство».

Мальчик запомнил место, где торговала толстая тётка с лотком. Вечером, на пристани, отец приказал спать до прихода утреннего парохода. Пётр подождал, пока все заснут, тихо сполз со скамейки и побежал искать толстуху с мороженым, думал, она там круглые сутки стоит. Не нашёл. Посмотрел на другой улице, побежал на третью, заблудился. Мечется по городу, прячется в кустах, спросить боится. Жизнь среди ссыльных выучила его остерегаться людей не меньше зверей в тайге. Обегал весь Тобольск, к реке выходил несколько раз, там – сараи покосившиеся, а пристани нет. Испугался, что без него уйдёт пароход, слёзы в глазах. Притаился за пустой бочкой на берегу, видит, мужик сидит на ящике, злой, матерится. Бросил недокурную папиросу и пошёл куда-то. Мальчик подобрал, хотел затянуться, но папироса погасла. Река – чёрная, холодно, темно, неужели не увидит больше мать с отцом? Выругался, как мужик, топнул ногой, бросил, с силой, окурок на землю, и пошёл в ту сторону, куда направился грубый человек, вышел к пристани. Раннее утро, плюхнулся без сил на скамейку, отец открыл глаза:

– Чего не спишь?

– Только что проснулся.

Этой ночью Пётр понял, что значит остаться без родителей.

Ему шёл десятый год, когда мать с отцом обсуждали за столом серьёзный вопрос: корова их, Люся, крупнее быка, по этой причине телёнка и молока у них не будет.

Не мальчика это дело: задумываться, какая тут связь, и почему было в корове молоко раньше. Проблема родителей ни в какое сравнение не шла с главным событием года: в избе над столом, повесили большую чёрную тарелку, в ней жили голос и музыка. Вставал Пётр коленками на стол, рассматривал «чудо», спрашивал о нём в школе, набрал литературы из библиотеки, хотел понять откуда берутся звуки. Так определился он со следующей игрой: сделать самому «чёрную тарелку».

Отца же габариты быка и коровы волновали сильнее, чем радио. Он продолжал размышлять вслух, вести ли корову в село Мюнхен, до него – десять километров или в село Страсбург, оно ближе, но за речкой, мелким притоком Иртыша. В старых немецких поселениях, названных в честь городов Германии, держали крупных быков. Люди там были свободными, так считали родители, потому что в лавках продавалась водка, запрещённая для ссыльных.

Решение приняли в пользу Мюнхена, чтобы не переводить корову осенью через реку. Отец был, едва ли не самым здоровым мужиком в селении, но имел физический недостаток:

одна нога короче другой, по реке вброд идти сложно, а бегать у него, вообще, не получалось.

Учитывая крупные габариты и не простой норов коровы, привязали к рогам длинную, толстую, как канат, верёвку и повели кормилицу по лесной тропе.

Люся неожиданно рванула в лес, отец упал, велел сыну догнать. Пётр побежал, схватил конец каната, и корова потащила мальчика по кочкам и пенькам. Он привязь из рук не выпускает, Люся остановилась, Пётр изловчился и закрутил конец верёвки вокруг пня. Подоспел отец, срубил молодое дерево, (топор он всегда носил за поясом), сделал длинную дубину, огрел ею строптивицу по заду и привязал канат к середине бревна, оно застревало между деревьев, когда корова пыталась убежать. В конце пути случилось разочарование: Люся не подпустила к себе быка. Пришли раньше положенного срока.

На второй поход отец не отважился.

Через неделю, посоветовавшись с мужиками, завёл Люсю на холм и привязал между берёзами, стоявшим неподалёку друг от друга. С высокой стороны холма поставили местного быка. Первая попытка оказалась неудачной. Мужики подкладывали под ноги «производителя» брёвна и доски до тех пор, пока не добились успеха.

На шоу, как назвали бы действие теперь, собралось пол села. Зрители помогали советом. Пётр, как важное лицо, ибо Люся принадлежала его семье, находился в первых рядах и

свысока поглядывал на товарищей.

В совокуплении животных, которое происходит часто перед глазами деревенского ребёнка, ничего особенного он не видел, необыкновенное было в том, чтобы достать детали к собственной «тарелке-радио».

Следующим летом родители отдали сына в подпаски, надеялись занять делом во время каникул. Пастух оказался удивительным для своей профессии человеком: имел одну только ногу, таким вернулся с войны. Стадо паслось в лесу, бегал мальчишка весь день, собирая заблудившихся коров. В благодарность полупьяный «шеф» на пеньке, костыли рядом, и фляга с брагой тут же, заправлял махорку в «козью ножку», сделанную из мятой газеты, и давал помощнику закурить. Пётр почувствовал себя настоящим мужиком.

Мама, приготовив к стирке рубашку старшего сына, говорит отцу:

– От неё куревом пахнет, понюхай.

– Нет, – отвечает отец, – это запах костра.

За околицей дал сыну подзатыльник и, получив от него заверение, что курил сегодня в последний раз, успокоился.

На одиннадцатом году пребывания в посёлке отёсывал отец брёвна, приехал кто-то из начальства, прокричал, что срок его ссылки закончился. Мужчина размахнулся, всадил топор в бревно по самый обух, пошёл готовиться к отъезду. Продал дом, корову, поросёнка, огород. Тогда, первый раз в жизни, увидел сын главу семьи качающимся, плохо выго-

варивающим слова, с папиросой в зубах. Недокуренную отцовскую папиросу, конечно, подобрал.

Уезжая, брали с собой всё, что могли увезти: огромный скарб, состоящий из чемоданов и ящиков.

Старшего сына назначили ответственным за мамину швейную машинку «Зингер». Этот шедевр иностранной техники оставил отметины на теле мальчика. Сначала машинка стояла на сидении за его спиной. Автобус подпрыгивал на каждом ухабе грунтовой дороги, и важный груз вместе с ним. Когда на спине не осталось «живого» места, Пётр перенёс машинку на колени, и она отбила ему ноги.

Куда они ехали? Что ждало семью?

Расстояние между домом на холме в Молдове и его хозяевами измерялось не в километрах, а во времени, и равнялось оно двум годам. На родину и в большие города бывших ссыльных не пускали.

Сибирь, страна детства, оставалась позади, а в ней и само детство.

Много пришлось повидать Петру в жизни, но таких, захватывающих дух, просторов больше не встретил. Закрывает глаза и видит, что трава там, крепкая и сочная, выше человеческого роста, несколько дней покоса, и корова сыта всю зиму, кедрачи достают до неба и такие густые, что под ними всегда темно и прохладно, а вкуснее орехов он не пробовал. Река – широкая и сильная, людей на другом берегу не видно, если найдётся желающий переплыть её, снесёт километра на

три.

Не помнит, чтобы хоть раз болел в детстве.

После возвращения из Сибири на спортивных соревнованиях среди школьников пробежал на первый разряд, а прыгнул в длину на «кандидата в мастера спорта», сделавшись без тренировок чемпионом области.

За какую бы работу не брался, говорят: «Золотые руки».

Мать прожила всего три года в доме на холме. Самая сильная, не проходящая боль в душе сына. Ушла молодой и очень красивой из-за грыжи и отсутствия медицинской помощи в молдавском селе. На кирпичном заводике в ссылке, где лошади, двигаясь по кругу, месили глину, женщины формировали и таскали кирпичи. Возможно, надорвалась там.

Отец был старше матери на пятнадцать лет, первую семью потерял во время войны. Он умер в семьдесят от инсульта, строгал доски в совхозной мастерской. После многолетнего труда на лесоповале, в трудовой книжке ему проставили стаж – три месяца. Была у человека мечта: заработать на пенсию и, наконец, отдохнуть.

Набегают холодные волны на скользкий гранит, и видит в них рыбак себя, брата и сестру над могилой двух молдавских крестьян, оторванных от родной земли, отрубивших десять лет в леспромхозе Тюменской области и реабилитированных посмертно.

Для подготовки обложки издания использовано фото из альбома автора.